
*Моей жене,
детям и внукам,
которым я посвятил
всю свою жизнь.*

Признательность авторов

Виктор Черкашин:

Я хотел бы поблагодарить моих коллег и друзей – Якова Медяника, Леонида Шебаршина, Станислава Андросова и всех других сотрудников разведки, с которыми я имел честь работать и кто так много помогал мне в моей профессиональной жизни.

Я признателен моим оппонентам – Милтону Бирдену, Дэвиду Мейджору и Джеку Платту – за их понимание и откровенный анализ событий, в которых мы все участвовали. Они продемонстрировали, как далеко мы все продвинулись со времен, когда в ходу было понятие «главный противник».

Спасибо тем, кто помог реализовать казавшийся невозможным замысел, особенно книгоиздателю Замиру Готту («Трайидент медиа групп») за его профессионализм и решимость (его способность всегда находить веские причины, убеждавшие меня в реальности нашего замысла).

Я благодарен также Роберту Готтлибу, моему литературному агенту, который понял, в чем заключался смысл моей жизни, и поверил в этот проект. Мои слова благодарности также Ирине Кривой, переводчику-координатору проекта, которая сделала все, чтобы объединить усилия всех, кто участвовал в работе над книгой.

Особая признательность Грегори Файферу, который смог сохранить стиль и особенности моего повествования и в то же время сделать книгу интересной для читателя. Он обладает редким качеством вызывать к себе доверие и уважение, не прибегая для достижения этого к каким-либо искусственным усилиям. Без его искреннего интереса к моей профессиональной жизни и без сложившегося между нами взаимопонимания едва ли можно было

создать и поддерживать атмосферу откровенных дискуссий, так необходимых для написания этой книги.

Грегори Файфер:

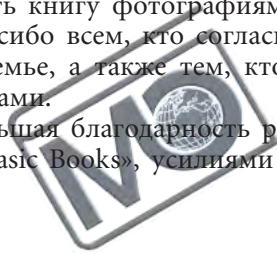
Хотел бы поблагодарить Виктора Черкашина за рассказ об этой важной истории, о которой было интересно писать. Спасибо ему за откровенность и бесконечное терпение к моим многочисленным вопросам. Спасибо Замиру Готту за создание этого проекта и за то, что его удалось довести до конца.

Признателен Ирине Кривой, скрупулезно переводившей эту книгу и сделавшей многое для того, чтобы она увидела свет. Спасибо Роберту Готтлибу и Джону Зилберзаку за их профессиональные советы.

Я также хотел бы поблагодарить тех, кто помог редактировать рукопись: Джорджа Файфера за его скрупулезность и тщательность, а также Элизабет Файфер за безжалостное вымарывание ненужного. Особая признательность коллегам, кто внимательно прочитал рукопись и выявил наши многочисленные ошибки, в частности Дэвиду Мэйджору и Конни Аллан (Центр по изучению проблем безопасности и контрразведки), кто также помог нам снабдить книгу фотографиями.

Спасибо всем, кто согласился с нами разговаривать, спасибо моей семье, а также тем, кто помог своей поддержкой проекта и советами.

Большая благодарность редакторам и сотрудникам издательства «Basic Books», усилиями которых эта книга увидела свет.

Пролог

Предательство

Я стоял, глядя на жену, в небольшой прихожей нашей квартиры в Крылатском – новом жилом районе на западе Москвы. Я услышал, что она только что сказала, однако потребовалось еще несколько секунд, чтобы осознать суть ее слов. Затем я, как обычно, снял пальто и переобулся в домашние шлепанцы. Однако привычная атмосфера домашнего уюта куда-то исчезла. Сказанное ею имело отношение к событиям, которые, как я считал, были давно в прошлом и забыты. И вот это прошлое теперь обрушилось на меня, как громыхающий поезд.

«Арестовали Олдрича Эймса». Елена повторила это медленно и серьезно. Я взглянул на ее ниспадающие черные волосы и красиво изогнутые брови. За годы нашей совместной жизни я много раз видел это выражение ее лица – в те минуты, когда она пыталась контролировать свои чувства. Жене не надо было повторять фразу, мой отсутствующий взгляд должен был убедить ее, что я понял только что сказанное ею. «Это передавали сегодня в телевизионных новостях. Я хотела сразу тебе позвонить, но...». Не было необходимости еще раз напоминать нашу укоренившуюся привычку никогда не говорить по телефону о чем-либо важном даже сейчас, три года спустя после распада СССР – события, навсегда изменившего все наше существование.

Я вспомнил, как девять лет назад Эймс впервые вошел в нашу с Еленой жизнь. В то время я не знал его настоящего имени и, даже если бы оно мне было известно, я бы, конечно, не назвал его жене. Елена услышала фамилию Эймса впервые в этих новостях, а уж затем ей было довольно несложно понять, о ком идет речь. Уже в 1985 году она догадывалась, что происходит нечто чрезвычайно важное, поскольку в то время она работала в вашингтонской резидентуре, печатая тексты секретных сообщений, которыми обменивались московский Центр и вашингтонская «точка». В резидентуре я был руководителем линии «КР» (контрразведка). Когда в тот памятный апрельский день я приехал обедать домой, она, не говоря ни слова, вопросительно посмотрела на меня. В ответ я кив-

нул головой. Этого было достаточно. Работая в США, мы стали своего рода профессионалами по беззвучовой связи.

Теперь, 23 февраля 1994 года – спустя два дня после ареста Эймса, – имя, которое мы до сих пор не произносили вслух, звучало по всему миру.

Я чувствовал усталость. Минутами раньше служебный «Мерседес» высадил меня у моего дома. Наш микрорайон состоял из жилых домов, собранных из железобетонных панелей, и по качеству они были чуть лучше печально знаменитых «хрущевок». У моего дома были заасфальтированные пешеходные дорожки вместо обычных, с выбоинами и лужами, и чистый подъезд. Идя к себе, я плотнее закутался в пальто, пытаюсь защититься от пронизывающего холодного и сырого февральского ветра.

У меня выдался тяжелый день. Руководить службой безопасности одного из крупных московских коммерческих банков – дело, требующее много нервов. Мне приходилось контролировать работу более 150 охранников, обслуживающих основной офис банка и его филиалы. Однако главная моя обязанность состояла в защите этого финансового учреждения от «наездов» различных криминальных группировок, которые в этот постсоветский период полного беззакония пытались навязывать свое «партнерство» (так называемую «крышу») почти каждому частному бизнесу в Москве, если им не удавалось полностью прибрать его к своим рукам. Это время характеризовалось громадными денежными потоками, появившимися в результате преступной приватизации бывшей госсобственности, и число банков росло, как грибы после дождя. Убийства банкиров стали обыденными явлениями в Москве. Выживание в этих страшных условиях требовало от служб безопасности опыта и сведений, которыми располагали бывшие сотрудники КГБ, сохранившие нужные связи и доступ к необходимой информации.

Было тяжело привыкать к новым условиям жизни в стране. Елена и я были верными приверженцами идей коммунизма. Мы разделяли идеализм и надежды с людьми, окружавшими нас. Я всегда считал, что трудности и жесткие меры, предпринимаемые правительством, которые с позиций сегодняшнего дня кажутся легко распознаваемыми и преодолимыми, были частью громадных усилий, необходимых для построения могучего социалистического государства. Когда мы работали и жили за рубежом, Елена и я всегда находили нужные слова и аргументы в защиту советских достижений. Мы, со своей стороны, старались делать все от нас зависящее, чтобы содействовать их росту. К сожалению, задолго до краха СССР было ясно, что партийная и государственная верхушка страны вела страну в тупик. Какие-то изменения должны

были произойти: вся государственная система находилась в таком кризисном состоянии и была настолько неуправляема, что не могла не рухнуть. Но, безусловно, не так, как это случилось, когда воровство и беззаконие стали фундаментом «новой» России.

Я весь день был занят работой со своими подчиненными, кроме того, пришлось «улаживать» некоторые проблемы с правоохранительными органами. Теперь все эти проблемы и заботы куда-то исчезли.

Весь ход мыслей перестроился на прежний профессиональный лад. Каким образом могли раскрыть и арестовать Эймса? Защита нашей ценной агентуры всегда была одним из безусловных основных приоритетов в советской разведке – по сути, в этом и заключался основной смысл приобретения секретных источников информации. Существовала большая разница между работой с агентом, не представляющим большой разведывательной ценности, и источником вроде Эймса, который должен был чувствовать себя достаточно защищенным нами, чтобы передавать важнейшую контрразведывательную информацию, которую когда-либо раньше удавалось получать КГБ. Как же мы могли допустить провал агента, информация которого была так важна разведке?

Эймс, вербовка которого стала одним из самых крупных успехов советской разведки, начал работать на нас в период, когда деятельности КГБ был нанесен серьезный удар действиями ЦРУ и ФБР – хотя тогда мы не представляли себе масштабов ущерба, пока Эймс не стал передавать нам соответствующие сведения.

Успех, подобный описываемому, никогда заранее не планируется. Мои мысли вернулись ко времени, когда я, будучи молодым сотрудником разведки, начал работать в Ливане. Мне тогда потребовалось несколько долгих месяцев, чтобы подготовиться для планируемой компрометации одного сотрудника ЦРУ: установить подслушивающие устройства в конспиративной квартире, которую он использовал в служебных целях, наладить дружеские отношения с женщиной, которая убирала квартиру, фотографировать и осуществлять за ним наблюдение при его перемещении по городу и т. п. А возможность использовать собранные на него сведения представилась только годы спустя, когда мы обнаружили его работающим в Западной Германии. Я выезжал в Бонн для беседы с ним, однако – признаюсь, забегая вперед, – вербовка не удалась.

Позднее я часто задавал себе вопрос: почему совсем иначе происходило все в случае с Эймсом, который, будучи руководителем контрразведки в советском отделе ЦРУ с практически неограниченным доступом к секретам американской разведки, вышел с предложением работать на нас? В прессе сообщалось о различных

суммах, которые были заплачены Эймсу за переданную нам информацию. Называлась и сумма около 2,7 млн. долларов. Если это так, то он из этой суммы заслужил каждый цент. Американские средства массовой информации с раздражением и неудовольствием отмечали, что он выдал имена более двадцати агентов ЦРУ, раскрыв нам почти всех американских шпионов, работавших на территории СССР. Около десяти из них были приговорены к смертной казни, за что позже в ЦРУ Эймс получил прозвище «шпион-палач». Эймс также раскрыл принадлежность к ЦРУ многих законспирированных американских разведчиков и помог выявить ряд секретных разведывательных операций США на территории СССР с использованием современных технических средств, проведение которых стоило американским налогоплательщикам многие миллионы долларов.

Мои мысли вернулись из прошлого в настоящее, и я продолжал размышлять о возможных причинах провала Эймса. Вполне вероятно, что рано или поздно подобное могло случиться. Причиной ареста могла стать какая-то ошибка со стороны российской разведки. Множество косвенных улик могли, в конце концов, заставить ЦРУ подозревать, что в управлении имеет место утечка оперативной информации. Однако даже самые явные признаки этого не всегда ведут к разоблачению агента. В рамках стандартных оперативных мер по защите агента такое не могло случиться. Очевидно, Эймса кто-то предал. А это означало, что источник предательства следует искать на нашей стороне.

Службы контрразведки не так уж часто разоблачают агентов. По своему опыту знаю, что одним из таких случаев был арест Олега Пеньковского – знаменитого шпиона ЦРУ и английской разведки SIS (Secret Intelligence Service). Высокопоставленный сотрудник Генерального штаба Министерства обороны СССР полковник Пеньковский передавал на Запад секретную информацию с 1961 года до момента его ареста в 1962 году, когда он был раскрыт из-за крайне низкого уровня профессионализма работавших с ним сотрудников английской и американской разведок, которые проводили с ним конспиративные встречи днем почти прилюдно в центре Москвы.

Подобные ошибки сейчас практически исключены. Используемые ныне методы работы с агентами достаточно тщательно отработаны, чтобы совершать ошибки в ходе конспиративных встреч или при выемках из тайников заложенной туда информации. Вывод напрашивался один: кто-то с нашей стороны предал Эймса. Можно допустить, что в рядах российской разведки находится так называемый «крот» – агент, внедренный противником.

Теперь Эймс наверняка проведет остаток своей жизни в тюрьме. Гримаса судьбы! Трудно было смириться с мыслью, что это произошло не из-за его, а нашей ошибки. Я сыграл определенную роль в том, что Эймс начал работать на советскую разведку и стал передавать нам достоверную и весомую секретную информацию, а не второсортные сведения, которые он предлагал первоначально. Сейчас я был бессилён чем-либо ему помочь.

Американскому обывателю все средства массовой информации представляли Эймса настоящим чудовищем, а выданных Эймсом российских граждан, которые предали свою Родину, не иначе, как героев. Между тем, Эймс был не больше и не меньше, как представителем рода человеческого со всеми присущими обычным людям достоинствами и недостатками, и мне было его искренне жаль.

Я напряженно думал. Возможно, в конце концов я мог бы что-нибудь сделать. Хотя Эймс и Росарио, его жена, были вне досягаемости, в тюрьме, их пятилетний сын оставался на свободе. Мелькнула мысль: нельзя ли привезти его в Россию, в мою семью, и воспитать его так, как это хотел сделать его отец.

Затем я подумал: как арест Эймса отразится на мне? Очень немногим было известно о том, что я имел отношение к этому делу и работал с самым эффективным в истории США шпионом, причинившим Америке громадный ущерб. После ухода за три года до этого в отставку я почти не имел контактов со штаб-квартирой разведки в Ясенево. Уход на пенсию был далеко не безболезненным. По сути, в конце моей служебной карьеры я был ограничен в своих действиях и отстранен от активных оперативных дел за рубежом. Служба внешней разведки России (СВР) – преемник разведывательной структуры КГБ – Первого главного управления (ПГУ) – не нуждалась в услугах полковника в отставке, даже с моим опытом работы.

По крайней мере, так я думал в то время. Если бы я тогда знал, что через некоторое время мое имя всплывет в связи с делом Эймса!

В холодный дождливый день в ноябре 1997 года у меня на работе раздался телефонный звонок. Я сидел в одном из офисов только что открытого современного бизнес-центра «Актерская галерея» на Тверской (бывшая улица Горького), который по замыслу «отцов города» должен был послужить рекламной витриной нарождающегося российского капитализма. Офис принадлежал моему швейцарскому партнеру, с которым я начал работать после того, как оставил банк, чтобы создать свое собственное дело – частное охранное предприятие.

На другом конце телефонной линии был мой друг Николай. Он спросил, читал ли я последний выпуск газеты «Вопросы разведки и контрразведки».

– Ты видел, что написал про тебя Кирпиченко? – продолжал Николай. (Вадим Кирпиченко, главный советник СВР, в бытность свою в качестве первого заместителя руководителя ПГУ был моим вышестоящим начальником.) – Нет? Иди быстрее и купи газету.

Я подумал, так ли важно написанное в газете, чтобы рискнуть выйти в дождь на мокрый грязный тротуар. Бывший первый зам. начальника разведки был давним союзником Владимира Крючкова, экс-главы КГБ, являвшегося одним из организаторов заговора против Михаила Горбачева в августе 1991 года. Что мог Кирпиченко сказать обо мне теперь? Я с ним никогда не работал напрямую. Он никогда близко меня не знал.

– А зачем, Коля?

– Увидишь сам, – сказал Николай, не вдаваясь в объяснения.

Его настойчивость казалась несколько странной. Однако явная обеспокоенность, которую я почувствовал в голосе Николая, подтолкнула меня одеться и выйти на улицу. Я подошел к газетному киоску на площади Пушкина, где стоит памятник поэту, соседствующий с первым в России рестораном «Макдоналдс», в котором, как обычно, шла бойкая распродажа гамбургеров и других кулинарных чудес Америки.

Я купил газету и с ней поднялся в свой офис. Николай не шутил. В статье Кирпиченко резко высказывался о бывшем генерале КГБ Олеге Калугине, обвинив его в том, что он мог быть причастен к выдаче Эймса американцам. Обвинение было бы более шокирующим, если бы Кирпиченко до этого уже неоднократно не выступал с обвинениями в адрес Калугина в шпионаже в пользу США (за несколько лет до этого Калугин начал активно выступать против КГБ, а потом выехал на постоянное жительство в США). Помимо упоминания Эймса публикация ничего нового не содержала.

Несколько слов о Калугине. В 1956 году Калугин с отличием окончил Институт иностранных языков КГБ и в возрасте сорока одного года стал самым молодым генералом в истории КГБ, возглавив управление «К» (контрразведка) Первого главного управления КГБ. В 1979 году у руководства КГБ появились опасения, что Калугин является американским агентом. Крючков вскоре сместил Калугина с его поста, что в итоге, через десять лет, привело моего институтского товарища на путь резкой критики КГБ. Такое поведение Калугина было воспринято его прежними сослуживцами резко отрицательно. Осужденный заочно в июне 2002 года Калугин был заклеен как изменник Родины куда более известным

человеком – бывшим офицером разведки, президентом России Владимиром Путиным. Став через год после переезда в США американским гражданином, Калугин этим поступком еще больше размежевался со своими коллегами.

В статье я прочитал, что Калугин якобы мог получить сведения об Эймсе от своего «друга». Не просто какого-то друга, а человека, описание которого было очень знакомым, вплоть до его имени «Виктор», которое почему-то совпало с моим именем (отчество было опущено). В публикации также утверждалось, что этот человек был секретно награжден за работу с Эймсом. Обвинение было ошеломляющим! В четко разделенном и разграниченном по соображениям конспирации мире разведки наш «товар» – агентура и информация – был секретным. Знали об этом только те, кому по служебной деятельности это было необходимо. Рассказывать об Эймсе даже Калугину – моему бывшему начальнику и товарищу – было равносильно разглашению секретной информации.

Я еще раз перечитал статью. Да, вот здесь. Опустив разве что мою фамилию, Кирпиченко обвинил Виктора Н. в раскрытии одного из самых ценных наших агентов – человека, с которым я работал с крайней тщательностью, полностью отдавая себе отчет в последствиях возможной утечки информации об агенте.

Итак, почти через пятнадцать лет после того, как различные слухи о Калугине стали распространяться по ПГУ, они опять попадают в прессу, и его обвиняют в том, что он виновен в бездеятельности на посту начальника управления «К», в результате чего в КГБ «расплодилось» много агентов ЦРУ. Обвинение было в такой же степени лицемерно, как и необъективно. В конце концов, когда оперативные проблемы и неудачи начала 80-х годов стали сильно досажать КГБ, службу контрразведки ПГУ возглавлял не Калугин, а уже другой человек. Он должен был руководить работой по поиску и выявлению в разведке внедренных противником агентов. Как бы то ни было, любое подобное подозрение должно было быть тщательным образом расследовано и, конечно, секретно. А вместо этого – публично сделанные голословные и бездоказательные обвинения. Верх непрофессионализма!

Что касается моей собственной репутации, то это была не первая попытка ее очернить, связав меня с Калугиным. Верно, что мы тесно общались (разумеется, до того, как Калугин стал открыто выступать против КГБ) и довольно откровенно беседовали о допущенных Комитетом ошибках и просчетах. Я подозревал, что наши телефонные разговоры прослушиваются, и рисковал испортить отношения с руководством главка. Меня это не пугало. Всем было известно, что я и Калугин знали друг друга с давних времен,

когда мы вместе учились в элитной разведшколе КГБ. Потом, в конце 70-х годов, он был моим начальником в ПГУ, именно он послал меня в командировку в Вашингтон в 1979 году.

Мой орден Ленина (я был одним из тех, кто был им награжден в 1986 году) позже стал одной из причин новых слухов о Калугине: он якобы мог догадаться о моей причастности к этому неожиданному успеху советской разведки. Однако для того, чтобы ЦРУ не узнало о церемонии награждения, что, несомненно, заставило бы американцев попытаться установить причину такого «мероприятия», оно должно было быть проведено в секрете. Это сделано не было. «Мероприятие» было широко разрекламировано. Что касается меня, то даже мои самые близкие друзья не знали об этой награде. Жена считала несправедливым, что мы не могли поделиться этой новостью с людьми, которым полностью доверяли. Я не мог рассказать Калугину ровным счетом ничего, что хотя бы косвенно связывало мою работу с Эймсом.

Прочитанное в статье Кирпиченко подняло во мне бурю возмущения, что совсем нежелательно для профессионала-разведчика. Я понимал, что должен что-то предпринять, но что именно? Я не хотел обращаться с иском в суд, считая это недопустимым для бывшего офицера разведки. В то же время я не мог позволить, чтобы надо мной висело такое обвинение. Я поднял трубку и набрал номер Леонида Шебаршина, моего бывшего начальника и близкого друга. Шебаршин, который в последние годы советской власти был начальником ПГУ, а в дни путча ГКЧП на одни сутки был назначен председателем КГБ, обладал трезвым рассудком и всегда рассуждал логично и здраво.

Он несколько мгновений обдумывал то, что я ему сообщил, затем глубоким баритоном заядлого курильщика спокойно и несколько обескураживающе ответил:

– Ничего не делай!

– Что?

– Твоя фамилия не была упомянута.

– Ну и что! Все знают, что это я.

– А что, разве кто-нибудь может сказать что-либо существенное? Ведь нет никаких доказательств, что Кирпиченко имел в виду именно тебя. А если ты начнешь везде возникать и поднимать шум, все действительно начнут думать, что на самом деле это, оказывается, ты. Так что просто проигнорируй все это.

Я последовал его совету. На протяжении всей моей служебной деятельности я старался ничем не выделяться и «не высовываться». После выхода в отставку я избегал давать интервью, за исключением нескольких статей в небольших газетах по просьбе моих

бывших коллег. Следуя своему инстинкту всегда держаться в тени, я отказался от ряда заманчивых предложений, в частности от работы консультантом на НТВ, в то время самом популярном независимом телевизионном канале. И чем больше я размышлял о необходимости ответить на клевету, тем больше понимал, что ничего из написанного Кирпиченко не может мне сильно навредить. Ложь и обвинения в раскрытии гостайны были возмутительны, но я не поддамся на провокацию и буду молчать.

Однако затем ставки в затеянной игре выросли. Возможно, так со временем и должно было произойти. Другой бывший сотрудник разведки в своей книге упомянул обвинение Кирпиченко в адрес Калугина по делу Эймса, однако на этот раз уже была названа и моя фамилия. Теперь уже Виктор Черкашин мог сообщить Калугину об Эймсе! Но Виктор Черкашин всю свою жизнь посвятил верному служению Родине! Теперь я уже больше не мог молчать.

ГЛАВА I

В логове льва: вашингтонская резидентура

1

Все это произошло в то время, когда я и не предполагал там быть.

Находясь в Вашингтоне уже около шести лет, мы с Еленой планировали вернуться в Москву в начале 1985 года. Мы очень переживали, находясь вдали от нашего сына, который вынужден был жить в Москве, учась в школе и институте, поэтому очень хотели опять быть вместе. Моя замена была готова, но он задерживался в Москве, что, к сожалению, откладывало наш отъезд.

Все это вовсе не означало, что я торопился возвращаться в Центр – штаб-квартиру ПГУ в Ясенево, где был построен современный комплекс служебных зданий. Я знал, что мое вышестоящее начальство едва ли с нетерпением стремится меня увидеть. Кое-кто считал меня «креатурой» Олега Калугина – моего непосредственного начальника, которого шестью годами ранее сместили с должности начальника управления «К» ПГУ. Я вовсе не испытывал желания повторить его судьбу и также быть убранным из контрразведки.

Итак, мы остались в Вашингтоне. Жизнь и работа здесь значительно отличались от других мест, где мне пришлось побывать. Не так легко привыкнуть к необходимости быть всегда начеку. Особенно трудно было Елене, которая к этому времени уже много лет работала в советской разведке. Она никогда не чувствовала такого напряжения по сравнению с другими моими зарубежными командировками, как в США. В Вашингтоне она практически не выходила в город одна. Приходилось считаться с тем, что ФБР практиковало провокации в отношении советских граждан даже при посещении магазинов, например обвинения в краже. Надо было скрупулезно следить, чтобы в коляске с выбранными товарами или продуктами не оказалось лишних предметов, а перед выходом из магазина внимательно проверять содержимое своих карманов и сумок.

К сожалению, на поведение наших сотрудников оказывало влияние и определенное отношение к ним со стороны Центра. Постоянная подозрительность КГБ в отношении своих граждан, в том числе сотрудников разведки, поощряла американцев организовывать компрометирующие нас ситуации. Такая тактика еще раз подтвердилась после ареста сотрудника нашей вашингтонской резидентуры. Он был схвачен якобы с поличным за воровство, хотя это была явная провокация, часто предпринимаемая американскими спецслужбами для устрашения или компрометации сотрудников разведки либо затем, чтобы затруднить осуществляемые во время проведения операций меры по контрнаблюдению. Офицер немедленно вернулся в резидентуру и доложил о случившемся, заявив, что сотрудники службы безопасности магазина подложили ему товар, якобы им украденный. Такого рода случаи, как правило, регистрируются камерами видеонаблюдения в магазине, однако американцы отказались передать нам пленку или продемонстрировать видеозапись. Почему мы не должны верить нашему коллеге? Оперработник мог с позором вернуться домой, если бы нам в конце концов не удалось убедить Москву оставить его в покое.

И все же этот случай скорее был нетипичным. Как правило, КГБ отзывал на Родину разведчиков, к которым противник осуществлял вербовочные подходы. Прежде всего, эти факты означали, что американцам становилось известно об их принадлежности к советским спецслужбам. Кроме того, существовала вероятность, что такие сотрудники могли согласиться со сделанными им предложениями, как бы убедительно они это ни отрицали. Даже в случаях, когда было совершенно очевидно, что они отклоняли заигрывания противника, такие сотрудники все равно оставались под подозрением Центра. Увы, это ни к чему хорошему не приводило.

Степень недоверия в коридорах Ясенево была достаточно высокой, поэтому даже незначительные признаки чего-то необычного в окружении оперработника могли означать конец разведывательной карьеры. Такое недоверие к своим сотрудникам, повторюсь, лишь облегчало вербовочные операции ЦРУ. Страх потерять свою работу приводил некоторых из них в агентурную сеть американской разведки. Офицер линии «ПР» (политическая разведка) вашингтонской резидентуры Сергей Моторин, которого американцы «зацепили» за незаконную продажу водки «Столичная», не хотел, чтобы такой в общем-то не очень серьезный проступок стал известен его начальству. Тем не менее этот факт был успешно использован, чтобы убедить его начать работать на ФБР – до момента его разоблачения, а затем и вынесения смертного приговора в Москве.

Мы с Еленой были очень осторожны в наших контактах с окружением, и поэтому у нас в посольстве было не очень много друзей. Она была достаточно волевой и организованной, чтобы научиться переносить эту вынужденную самоизоляцию. Я ощутил эти свойства ее характера практически сразу, как только впервые ее увидел в длинном коридоре на Лубянке – местонахождении штаб-квартиры КГБ. Как она потом мне призналась: увидев меня, она сразу для себя решила, что это тот человек, которого она бы хотела видеть своим мужем. Подобные черты ее характера, а также мое служебное положение как руководителя подразделения резидентуры, одной из задач которого являлся поиск и выявление предателей, независимо от иного, содействовали нашей определенной изоляции, и нужно признать, что это отражало атмосферу подозрительности в нашем посольстве.

К 1985 году мы с Еленой уже считались ветеранами советской колонии, привыкшими к условиям Вашингтонской жизни и определенной специфике работы и общения в посольстве. Наша не по годам развитая дочь Алена с удовольствием ходила в детский сад на территории консульства, и мы гордились ее быстрым прогрессом в английском языке. Нам нравились американцы как нация с присущей им предприимчивостью, гостеприимством и легкостью в общении. И мы были в восторге от американской природы. Без лицемерия, США казались страной, в которой приятно находиться.

Атмосфера в резидентуре была довольно спокойной, хотя это отнюдь не означало, что делать было нечего. Центр засыпал нас вопросами и заданиями по вопросам безопасности, на которые мы старались быстро реагировать. После ввода в 1979 году советских войск в Афганистан и решения США бойкотировать в следующем году Олимпийские игры в Москве отношения между США и СССР оставались напряженными. Это усугублялось печально знаменитой характеристикой президента Рейгана Советского Союза как «империи зла» и планами его администрации по разработке и развертыванию стратегической системы противоракетной обороны – «звездных войн».

На этом фоне более явно ощущались и внутренние проблемы Советского Союза. Было неясно, кто возглавит руководство страной после смерти Брежнева осенью 1982 года, и эта неопределенность только росла, когда одного нездорового лидера сменял еще более больной преемник. Предполагая, что грядут серьезные изменения во внутренней и внешней политике страны, резидентура приостановила свои оперативные мероприятия. Мы свели до необходимого минимума объем связи с Центром и приготовились к самому худшему в развитии отношений с Соединенными Штатами.

Когда бывший глава КГБ Юрий Андропов стал после Брежнева руководителем страны, мы почувствовали облегчение и надеялись на то, что жизнь дома станет лучше. Однако этому не суждено было сбыться, Андропов скончался в 1984 году и его место занял Константин Черненко, протеже Брежнева. Он был таким «ничем», что, когда через год он тоже умер, мы уже перестали беспокоиться, что, это может каким-то образом повлиять на работу всей разведки и резидентуры в частности.

Затем в марте 1985 года произошло назначение Горбачева, всеми встреченное, что называется, на «ура». Понадобились годы, чтобы начать осознать: этот человек разрушает все, что мы сделали и пытаемся делать.

К апрелю 1985 года работа вашингтонской резидентуры более-менее вошла в нормальное русло. Моей главной головной болью было явное изменение Федеральным бюро расследований методов ведения за нами наружного наблюдения. Вместо слежки почти за каждым работником посольства сотрудники наружного наблюдения ФБР оставили их в покое и сконцентрировали свои усилия исключительно на работниках резидентуры. Такой вывод получил подтверждение в феврале 1984 года, когда оперативно-технические работники резидентуры во время очередной проверки автомашин посольства обнаружили в них 25 радиомаяков, из которых 24 были в автомашинах резидентуры. Последняя, двадцать пятая, радиозакладка была найдена в машине работника консульства, который находился в дружеских отношениях с несколькими офицерами КГБ. Для нас это было неприятным сюрпризом. Работникам, которые контролировали радиоэфир и отслеживали другие признаки ведения слежки за резидентурой, было дано указание проанализировать собранные за последние годы данные. Эта группа использовала радиосканеры и другие технические средства для перехвата переговоров между сотрудниками наружного наблюдения ФБР, которые осуществляли слежку за персоналом советских учреждений в Вашингтоне. Результаты были очевидны: ФБР следило за всеми советскими гражданами – сотрудниками МИД, КГБ, ГРУ (военная разведка), Министерства внешней торговли и пр. – до октября 1982 года, после чего интенсивность и качество наружного наблюдения внезапно стали более прицельными.

Как они могли знать? Принадлежность к КГБ ряда сотрудников посольства, включая меня, была ФБР известна. Но как они угадывали, в какой из многочисленных автомашин, выезжающих из посольства или нашего жилого комплекса в районе Висконсин-авеню, находятся сотрудники резидентуры, даже те, которые только недавно прибыли в Вашингтон? Это могло означать лишь то,

что внутри резидентуры находится агент противника, снабжающий его такой информацией.

Подобные мысли не давали мне покоя, когда в один солнечный весенний день, напоенный ароматным запахом распустившейся в городе вишни, я подъехал к зданию посольства на 16-й улице. Я возвращался после проведения нескольких встреч в городе и обдумывал, что должен написать в моем отчете о встречах в Центр. Миновав дежурившего у здания посольства американского полицейского, контролировавшего всех, кто входил или выходил из здания, вошел внутрь. Посольство размещалось в величественном особняке, построенном в стиле позднего французского классицизма и ранее принадлежавшем вдове американского железнодорожного магната Дж. Пульмана.

Служебные помещения посольства располагались на первых двух этажах. Лифт, проехав третий этаж, где жил посол А. Добрынин, доставил меня на самый верхний этаж, там под черепичной крышей размещалась резидентура. Набрав цифровой код замка входной стальной двери, я вошел внутрь. Нашими оперативно-техническими работниками комнаты резидентуры были защищены от возможного прослушивания ФРБ. Помещение небольшое, и в случаях, когда в одно и то же время собирались все сотрудники, было весьма проблематично найти свободный стул или стол.

Перед тем, как я вошел в свой офис, дежурный по резидентуре сказал, что меня срочно хочет видеть резидент. Постучавшись, я вошел в кабинет Станислава Андросова.

– Добрый день, Станислав Андреевич, – сказал я.

Андросов не предложил мне сесть. Более того, он не произнес ни слова, что указывало на то, что резидент чем-то сильно обеспокоен. Его редеющие волосы и правильные мягкие черты лица придавали ему вид ученого. Продолжая молчать, он протянул мне конверт, на котором от руки была написана его фамилия. Я открыл конверт и вынул листок бумаги с напечатанным текстом.

Содержание записки было необычным. Автор представлялся сотрудником американской разведки. За вознаграждение в 50 000 долларов он предлагал передать нам информацию об операциях ЦРУ против Советского Союза. Он готов встретиться с представителем советской разведки для обсуждения условий сделки. С тем чтобы убедить нас в своей искренности, в конверт были вложены копии нескольких документов. В основном они касались данных, полученных американской разведкой о базировании ВМФ СССР в регионе Ближнего Востока. Хотя бумаги выглядели настоящими, было трудно сразу же определить, принадлежали ли они ЦРУ. Подобные сведения легко могли быть результатом анализа, вы-

полненного Госдепартаментом США, каким-либо банком или даже отдельным журналистом. Представленные документы носили слишком общий характер, чтобы служить доказательством искренности его предъявителя или считаться разведывательной информацией. Я взглянул на серьезного Андросова.

– Откуда это? – спросил я.

– Чувахин передал. (Сергей Чувахин, один из работавших в посольстве дипломатов, специализировавшийся в области вопросов разоружения, не являлся офицером КГБ.) Он получил документы от своего официального контакта по фамилии Уэллс. Чувахин не знает, что внутри конверта, – добавил Андросов.

Уэллс. Конечно, имя Рика Уэллса было мне знакомо. Он недавно познакомился с Сергеем Дивильковским, пресс-атташе советского посольства, утверждая, что он ученый, занимается проблемами международных отношений и по своей работе связан с Госдепартаментом США. Рассказывая о себе, американец ограничился этими данными, а затем сказал, что хотел бы обсудить с Дивильковским ряд проблем, касающихся американо-советских отношений. Сергей проинформировал об этом резидента, и мы обсудили, как развивать отношения с этим несколько настораживающим нас контактом.

Возникло подозрение, что Уэллс был сотрудником ЦРУ, в задачу которого входила вербовка агентов из числа работников советского посольства. Позже мы получили информацию, что ЦРУ серьезно занималось операцией «Courtship» – «Ухаживание», нацеленной на активизацию вербовочной работы по персоналу посольства. Сведения о такой операции только добавили подозрений в отношении Уэллса. Тем не менее мы решили пойти на развитие контактов Дивильковского с американцем и посмотреть, что из этого получится. Подобные контакты были необходимой частью в оперативных играх противоборствующих сторон, и, если появлялись какие-то шансы по вербовке человека, который со своей стороны старался добиться того же в отношении советского гражданина, мы не должны были упустить такую возможность.

Сам Дивильковский не знал, в чем мы подозревали Уэллса. Таковы уж методы оперативной работы. Разведывательная информация столь жестко контролируется, что в неведении относительно истинных целей тех или иных действий часто должны были держаться люди, которые непосредственно участвовали в осуществляемых операциях, если только оперативные обстоятельства не требовали другого. Кроме того, Дивильковский был «чистым» дипломатом, и не было никакой необходимости посвящать его в детали проводимых резидентурой операций.

Дипломат несколько раз встречался с Уэллсом, обсуждая с ним тему американско-советских отношений. Через некоторое время Дивильковский сам начал высказывать сомнения относительно того, что американец поддерживает с ним знакомство только с целью обмена официальными точками зрения двух сторон по указанной проблеме. Однако, когда подошел срок окончания его командировки и возвращения домой, Дивильковский рекомендовал Уэллсу, чтобы тот продолжил обсуждение интересующей его темы с Чувахиным, другим экспертом посольства по вопросам разоружения.

Чувахин был идеальной фигурой для наших целей. Будучи организованным и дисциплинированным человеком, он не давал ЦРУ каких-либо шансов по его вербовке. Человек умный, знающий, настоящий специалист по проблемам разоружения, Чувахин обладал многими талантами помимо политики. Трудно себе представить, но любимым хобби Чувахина было шлифование линз и постройка телескопов. Мы решили не ставить его в известность о том, что Уэллс мог быть профессиональным разведчиком. Поскольку Чувахин был «чистым» дипломатом, использование его в качестве осведомленного о нашем замысле участника операции было бы и проблематичным, и рискованным делом. Более того, несколько прямолинейный и упрямый дипломат мог просто не согласиться участвовать в качестве посредника в задуманной резидентурой игре, даже если бы мы попросили его об этом.

Мы также хотели свести до минимума число лиц, посвященных в наши планы, поскольку Уэллс не выглядел многообещающим кандидатом для успешной вербовки: его поведение было нестабильным, он отказывался сообщить нам свое точное место работы, настаивал, чтобы встречи с ним проводились в открытых общественных местах в городе, а не в посольстве или у него в офисе. Его объяснения, почему он заинтересован во встречах с советскими дипломатами, выглядели неубедительно. Кроме того, жесткая слежка со стороны ФБР за персоналом посольства делала маловероятной возможность того, что реальному сотруднику Госдепартамента США, каким представлялся Уэллс, свободно дозволены контакты с советским дипломатом. Все эти соображения привели нас к выводу о бесперспективности «разработки» Уэллса в вербовочном плане. Вместо этого нашей основной задачей стала защита Чувахина от возможных попыток ЦРУ и ФБР по его компрометации или вербовке.

В ходе нескольких встреч с Чувахиным в Вашингтонских ресторанах практичный Уэллс не проявил какого-либо интереса к личности Чувахина, ограничиваясь в своих вопросах только темой американско-советских отношений. Правда, он охотно высказывал

свою точку зрения по этой тематике. В отчетах о встречах Чувахин отмечал их умеренный и сбалансированный характер.

Только гораздо позднее мы поняли, что мотивы такого поведения американца были совсем другими, чем мы предполагали. Он в самом деле был сотрудником ЦРУ, в задачи которого входила вербовка советских граждан, однако в действительности он пытался достичь своей личной цели: установить контакты с разведкой КГБ. Для этого он нуждался в ком-то, кого было трудно завлечь в сети ЦРУ, но что давало ему повод продолжать встречи с таким человеком, в то же самое время докладывая начальству, что его вербовочные усилия пока не дают желаемого результата. Поэтому Уэллсу нужен был человек, который бы жестко придерживался официальной позиции.

Насколько нам стало известно, встречи Чувахина с Уэллсом были достаточно рутинными до того апрельского дня, когда Андросов дал мне прочитать его записку. Чувахин, согласно последней договоренности, готов был встретиться с Уэллсом в отеле «Мэйфлауэр», находящемся недалеко от посольства на Коннектикут-авеню. Уэллс пришел туда, не подозревая, что дипломат не намеревался больше с ним встречаться. Чувахин потерял интерес к контактам с американцем, поскольку не получал от него интересующей информации по разоруженческой проблематике.

Сидя в полутемном, с декоративными дубовыми панелями баре в холле отеля, посетители которого ланчевали или просто болтали, развываясь в мягких кожаных креслах. Уэллс заказал себе рюмку водки, размышляя, как долго еще ему придется ожидать Чувахина. Через некоторое время он решил взять инициативу в свои руки. Он покинул отель через боковой выход и направился к советскому посольству, находящемуся через квартал. Уэллс знал, что ФБР может контролировать его действия. Однако поскольку ему разрешалось поддерживать контакты с сотрудниками посольства, у него были обоснованные причины на подобный шаг. Подойдя к посольству, он вошел внутрь и сказал вышедшему ему навстречу дежурному дипломату, что он хочет видеть Чувахина. Он подождал, пока Чувахин спустится в холл посольства из своего кабинета. Чувахину стало несколько не по себе, когда он увидел американца, с которым он так невежливо обошелся. Он извинился перед Уэллсом, сказав, что ему дали срочное поручение и он не мог прийти на встречу. Уэллс молча передал ему конверт, адресованный Андросову, и вышел из посольства.

– Ну, что ты об этом думаешь? – спросил Андросов.

– Я считаю, что сейчас мы ничего конкретного сказать не можем, – ответил я, констатируя очевидный факт.

Моя первая реакция на любое предложение начать работать на советскую разведку всегда касалась реальных причин такого неожиданного «подарка». Большинство из них были либо провокациями, либо навязываемыми нам услугами от людей, которые не имели доступа к сведениям, достаточно ценным для разведки, чтобы оправдывать усилия и риск по их получению. Являлось ли предложение Уэллса частью плана ЦРУ получить доказательства подрывной антиамериканской деятельности КГБ? ЦРУ и ФБР использовали такую тактику в работе против советских организаций на территории США. Письмо Уэллса не содержало убедительных доказательств его намерений. Наоборот, наше подозрение, что перед ним, возможно, была поставлена задача по вербовке Дивильковского или Чувахина, заставляло нас быть предельно осторожными. Центр обычно поддерживает решение своих зарубежных резидентур, когда они отказываются от подобных сомнительных дел. Если мы отклоним предложение Уэллса, Москва почти наверняка одобрит наши доводы и решение.

Это было первое, что мне сразу пришло в голову. Однако большая часть моей работы в контрразведке была связана с попытками вербовки агентов. Когда кто-то предлагает себя в качестве агента, мои инстинкты почти всегда подсказывали мне пойти на это – иначе какой смысл от всей нашей работы? Кроме того, письмо Уэллса было довольно интригующим. Хотя его документы не были достаточно убедительными, но, вполне возможно, он и не старался нас этим впечатлить. В конце концов, если уж ЦРУ действительно пытается на чем-то нас поймать, американцы без труда могли передать более привлекательные материалы. Если правительство США хотело бы действительно реализовать акцию по дискредитации СССР или советской разведки, например, разоблачив наши усилия по вербовке сотрудников ЦРУ, оно бы для этого могло найти более эффективные средства и возможности. Если Уэллс был искренен в своих намерениях, следовало пойти на риск, чтобы получить информацию, которую он мог бы предоставить об операциях ЦРУ против СССР.

– Если он действительно располагает стоящими сведениями, – после паузы сказал я, – они могут представлять для нас интерес.

– Так ты считаешь, что мы должны ответить?

– Да. В конце концов, мы не так много теряем, не так ли?

Мое осторожное «да», кажется, подтолкнуло Андросова к решению.

– Хорошо. Как мы организуем встречу? И где ее проводить? В городе?